

5. Nikovskaja L. Publichnaja politika v sovremennoj Rossii / L. Nikovskaja – Rezhim dostupa: http://www.civisbook.ru/files/File/Nikovskaya_publ.pdf (12.10.2013), svobodnyj. – Zaglavie s jekrana. – Jaz. rus.

6. Keane J. The Life and Death of Democracy. – London, 2009.

ГЕТЕРОГЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА КАК ФАКТОР ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ

Мирошниченко Инна Валерьевна, кандидат политических наук, доцент

Кубанский государственный университет
350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
E-mail: mirinna78@mail.ru

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор

Кубанский государственный университет,
350040, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149
E-mail: morozova_e@inbox.ru

В статье рассматривается влияние неоднородности социального пространства, как результата процесса глокализации, на место и роль социальных сетей в публичной политике. Авторы анализируют домодерные, модерные, постмодерные и антимодерные сети, оценивают степень их влияния на развитие гражданского общества, выявляют деструктивный и конструктивный потенциал.

Ключевые слова. социальное пространство, глокализация, социальные сети, доверие, публичная политика

THE HETEROGENEITY OF SOCIAL SPACE AS A FACTOR OF SOCIAL NETWORKS DIFFERENTIATION IN PUBLIC POLICY

Miroshnichenko Inna V., Ph.D. (Political Science), Associate professor

Kuban State University
149 Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russian Federation
E-mail: mirinna78@mail.ru

Morozova Yelena V., D.Sc. (Philosophy), Professor

Kuban State University
149 Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, Russian Federation
E-mail: morozova_e@inbox.ru

The impact of heterogeneity of social space, as a result of the process of glocalization, on the role of social networks in public policy is examined in the article. The authors analyze pre-modern, modern, postmodern and antimodern networks, assess how they influence the development of civil society, reveal their destructive and constructive potential.

Keywords: social space, glocalization, social networks, trust, public policy

За последнее время в современных политических системах различных стран, отличающихся по своему социально-экономическому, политико-культурному и публично-государственному развитию, наблюдаются точки роста сетевой активности и влияния ее разнообразных механизмов на процесс воспроизводства публичной политики. Социальные сети, основанные на горизонтальных взаимодействиях, не только изменяют традиционные организационные структуры гражданского общества, но и создают основы нового институционального дизайна публичной политики.

На «сетевизацию» современного политического процесса влияет целый ряд внутренних и внешних факторов, одним из которых является гетерогенность социального пространства. Серьезным барьером, препятствующей органической солидарности гражданского общества, является существование внутренне неоднородной структуры социального пространства, его многоукладность, как результат процесса глокализации.

Глокализация рассматривается как пространственно-временное сжатие, когда в одном социальном пространстве существуют и сталкиваются разнообразные уникальные локальные и глобальные культуры [10]. В.А. Ядов, используя данное понятие применительно к социокультурной динамике современной России, считает более обоснованным использовать термин «гло-локал-анклавизация» страны [7, с.354]. Многоукладность российского общества образуется из симбиоза сообществ глобальной культуры постиндустриального общества; локальных сообществ, в которых причудливо сплетаются элементы традиционных и модернизирующихся под воздействием глобализации структур; а так же анклавных сообществ, которые, используя терминологию М. Фуко, становятся «местами без места» [9, р.26], пространством изолированных маргиналов, не существующих в современном информационном пространстве. «Острова» современного сетевого общества сосуществуют с «островами» архаичных анклавов в постоянно изменяющемся частично развитом традиционном обществе, «представляя своеобразный сплав современности с остатками традиций» [1, с.83].

Агломерат разных локальных сообществ дифференцирует общество по ценностным ориентациям, образам жизни и стратегиям гражданской активности, что препятствует созданию интегрированного на основе ценностей гражданственности общества. Потенциал гражданского общества в развитии публичности, можно оценивать только применительно к обществу в целом, а не к отдельным его сегментам. Гражданское общество, отличаясь динамичностью и разнообразием институционализированных и неинституционализированных структур, не может быть структурировано принципиальным образом, т.к. состав участников гражданских инициатив постоянно меняется, чутко реагируя на возникающие в обществе проблемы. Но суть гражданского общества заключается в его интегративной функции создания, по определению Дж. Мигдала, модели сообщества граждан, объединенных общими ценностями и правилами поведения, формирующего основания для осуществления государственной власти [11].

Социокультурная специфика многоукладного общества отражается в его сетевом ландшафте и формах социального капитала, который воспроизводится определенными сетевыми ландшафтными звеньями, тем самым создавая возможности и ограничения для создания интегративного гражданского общества. В современном российском обществе, развивая типологию Р. Роуза, можно отметить существование четырех типов социальных сетей, – «домодерные», «модерные», «антимодерные» и «постмодерные». Неформальные сетевые связи, образуемые семейными, дружескими отношениями и другими «близкими» контактами являются структурными составляющими социального капитала. С институциональной стороны он воплощает в себе накопленное доверие, являющимся продуктом тех моральных норм и ценностей, которые сложились и функционируют культурном пласте данного общества [6, с.301]. Различные типы социальных сетей создают определенные формы социальной солидарности и доверия (социального капитала), влияя на диффузию или интеграцию гражданской жизни.

Значительную часть социального пространства принизывают «домодерновые» сети, характерные для традиционной патриархальной сельской периферии современной России с анклавными образованиями (не более 6% населения) сетевых сообществ Северного Кавказа и Юга Сибири (Тыва и Алтай) [5], в которых доминирует сильные кланово-тейповые и этно-конфессиональные связи. Социальное доверие базируется на личных неформальных связях, соседских и дружественных отноше-

ях, которые используются населением в своих повседневных жизненных стратегиях адаптации, в большей степени ориентированных на «физическое выживание» и сохранения существующего уклада жизни. Данные социальные сети ограничены информационными источниками, преимущественно традиционными СМИ, определяющих «контролируемый формат» политических событий и задающих рамочные границы публичности в «системе воспроизводства рутинных коллективных мифов, доступных для понимания таких людей, но не проверяемых их практическим опытом» [4, с.12]. В связи с этим, «домодерные сети» обуславливают конформизм, инертность и неразвитость потенциала гражданской активности населения. Домодерновые сети, образуют крепкие, внутренне гомогенные и сплоченные, но закрытые общности, совокупность которых образует фрагментированное «негражданское общество», интеграцию которого обеспечивает символическая политика и силовой аппарат государства.

Образование «модерных» социальных сетей специфично для городов мегаполисов и крупных индустриальных городов России, в которых «разными шагами» идет постиндустриальное развитие. Модерные сети образуются в условиях высокой концентрации населения, развитой информационно-коммуникационной инфраструктуры и плюралистичной системой социального взаимодействия, основанного на экономическом, культурном и информационном многообразии групповых интересов. В мегаполисах индивид вынужден взаимодействовать с разнообразными группами в решении различных проблем на основе институционализированного доверия, выходящего за круг «сильных связей» межличностного общения.

Как демонстрирует результаты эмпирического исследования Дж. Гибсона, граждане, являющиеся частью современных социальных сетей, характеризующихся слабыми связями, представляют новый тип современного человека, далекого от традиций советской эпохи, в большей степени принимают новые ценности, поддерживая демократические институты и процессы [8, p.65]. Модерные сети актуализируют потенциал гражданского участия в условиях авторитарного режима, где существуют ограничения публичности и институциональных каналов, обеспечивающих влияние граждан на принятие политических решений. Модерные сети в первую очередь обеспечивают коммуникацию граждан через обмен информацией нового типа, но именно в условиях кризисных ситуаций или в странах-транзитах, эффект от продвижения демократических ценностей через слабые связи будет наиболее высок, т.к. у граждан не существует достаточного опыта в демократическом управлении, и демократические институты и процессы пока не особо понятны и обсуждаемы. «Действительно, - пишет Дж.Гибсон, - в стабильных демократических государствах слабые связи могут не оказывать никакого эффекта на процесс социального обучения демократическим институтам и процессам, так как информация и так находится в свободном доступе» [8, p.66]. В отличие от домодерных сетей, поддерживающих сотрудничество внутри каждой группы, современные сети или сети гражданского участия, преодолевающие социальные разрывы и составляющие каркас гражданского общества, питают более широкое сотрудничество в контексте всего общества, в том числе ориентируясь на сотрудничество с органами публичного управления.

Внутри современного сетевого уклада также существуют аклавы постмодерных социальных сетей, в которых индивиды отличаются высоким уровнем социального воображения, основанного на знаниях, и «рефлексивной включенности» в публичное пространство, что способствует образованию дискурсивных сообществ с высоким потенциалом политизации, но существующих в информационном пространстве интернета.

Постмодерные сети стали результатом «индивидуальной модернизации» российских граждан в условиях формирования нового сетевого образа в глобальных масштабах. Процесс формирования глобальных коммуникаций и глобальной культуры открыли для российских граждан возможности для формирования новых идентичностей, позволяющих преодолеть деинституционализацию и взаимное отчуждение государства и общества, социальное напряжение в общественном пространстве

[3, с.9-10]. Благодаря образованию постмодерных социальных сетей в конце 2000-х в России стали стихийно возникать новые социальные движения, которые будучи привязанные к локальным «точкам», приобретали региональный, а в некоторых случаях и национальный размах. Постмодерные сети формируют новый общественный «запрос на гражданственность» [2, с.91]; они возникают снизу и исходят из конкретных проблем, когда граждане вынуждены самостоятельно инициировать их решение исходя из собственных специфических интересов.

Домодерные, модерные и постмодерные социальные сети являются достаточно типичными для компаративных исследований, они репрезентуют национальные ландшафты в различных объемах ряда стран, но уникальными, с точки зрения российской специфики являются антимодерные сети, основанные на инерционных политико-культурных паттернах советского образа жизни (адаптация к распределительной экономике и идеолого-репрессивными методами контроля над публичностью) и новыми символическими формами, присущие современному политическому режиму [4, с.12]. Антимодерные сети существуют преимущественно в промышленных городах с монопрофильным производством, где проживет более четверти населения страны [5]. Монопрофильные города стали наследием советской территориально-отраслевой экономики, градообразующие предприятия (преимущественно машиностроение, военно-промышленного комплекса, и т.д.) не входили в интересы консолидирующего крупного бизнеса, т.к. требовали серьезных вложений в стагнирующую технологическую инфраструктуру производства и социальных инвестиций в местное сообщество, где граждане обладали низкой производственной квалификацией и соответственно низким уровнем жизни населения. социальные составляющие. В антимодерном укладе жизни сохраняются домодерные паттерны социальной персонафицируемой солидарности, ограниченными ресурсами самоорганизации и блокированием ценностей модерна. В тоже время «выживая» за счет распределительных механизмов экономики, антимодерные сети консервируя доверие и демонстрируя институциональную поддержку в период выборов к существующему режиму.

В целом российский политический процесс на сегодняшний день весьма условно вписывается в модель публичной политики, где политический режим задает жесткие рамки для ограниченной и контролируемой публичности. В сетевом ландшафте публичной политики преобладают домодерные и антимодерные сети, охватывающие и уровень государственного управления. Однако возможности изменений в обществе связаны с накоплением социального и политического капиталов в формирующемся поколении «рефлексивных граждан» с плюральными типами мышления и потребностями участия в формировании новой культуры сетевого управления.

В российской политической системе, с одной стороны, отражаются глобальные тренды формирования сетевой публичной политики; с другой – существуют практики социальных сетей, не всегда связанные с наращиванием ресурсов публичности и развитием демократических основ политики. Существование неформальных политических практик, имитация публичности, черты клановой политики и патримониальной политической системы характеризуют деструктивный потенциал социальных сетей. Вместе с тем конструктивная деятельность сетевых сообществ в российской публичной политике способствует расширению «коридора возможностей» для формирования полноценной системы публичной политики в России.

Список литературы

1. Ачкасов В.А. Россия как разрушающееся традиционное общество// Полис. 2001. №5. С. 83
2. Гражданское общество: теория и современная практика в мировом и российском измерениях. Материалы «круглого стола» сотрудников РУДН// Вестник РУДН. Серия «Политология», 2009. №4. С. 91.
3. Грин С. Природа неподвижности российского общества// Pro et Contra, январь-апрель 2011, №1-2 (51). С. 9-10.

4. Гудков Л. Социальный капитал и идеологические ориентации// Pro et Contra. 2012. Май-июнь. С. 12.
5. Зубаревич Н. Современная Россия: география с арифметикой// Отечественные записки. 2012. №1// Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/sovremennaya-rossiya-geografiya-s-arifmetikoy>
6. Оберемко О. А. Общество как пространство для самоидентификации и гражданского действия// Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. Отв. Ред. Е.С.Петренко. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2008. С 301.
7. Ядов В.А. Некоторые социологические основания для предвидения будущего российского общества// Россия реформирующаяся. М.: Academia, 2002. С. 354.
8. Gibson J. L. Social Networks, Civic Society, and the Prospects for Consolidating Russias Democratic Transition// American Journal of Political Science. Vol. 45. №1. P. 65.
9. Foucault M. Of Other Spaces. Diacritics. 1986. P.26.
10. Migdal J. State in Society. Cambridge: Cambridge Univ Press, 2001. P. 190.

References

1. Achkasov V.A. Rossiya kak razrushayushcheesya traditsionnoe obshchestvo// Polis. 2001. №5. S. 83
2. Grazhdanskoe obshchestvo: teoriya i sovremennaya praktika v mirovom i rossiyskom izmereniyakh. Materialy «kruglogo stola» sotrudnikov RUDN// Vestnik RUDN. Seriya «Politologiya», 2009. №4. S. 91.
3. Grin S. Priroda nepodvizhnosti rossiyskogo obshchestva// Pro et Contra, yanvar-aprel 2011, №1-2 (51). S. 9-10.
4. Gudkov L. Sotsialnyy kapital i ideologicheskie orientatsii// Pro et Contra. 2012. May-iyun. С. 12.
5. Zubarevich N. Sovremennaya Rossiya: geografiya s arifmetikoy// Otechestvennye zapis-ki. 2012. №1// Rezhim dostupa: <http://www.strana-oz.ru/2012/1/sovremennaya-rossiya-geografiya-s-arifmetikoy>
6. Oberemko O. A. Obshchestvo kak prostranstvo dlya samoidentifikatsii i grazhdanskogo deystviya// Grazhdanskoe obshchestvo sovremennoy Rossii. Sotsiologicheskie zarisovki s natury. Otv. Red. Ye.S.Petrenko. M.: Institut Fonda «Obshchestvennoe mnenie», 2008. S 301.
7. Yadov V.A. Nekotorye sotsiologicheskie osnovaniya dlya predvideniya budushchego rossiyskogo obshchestva// Rossiya reformiruyushchayasya. M.: Asademia, 2002. С. 354.
8. Gibson J. L. Social Networks, Civic Society, and the Prospects for Consolidating Russias Democratic Transition// American Journal of Political Science. Vol. 45. №1. P. 65.
9. Foucault M. Of Other Spaces. Diacritics. 1986. P.26.
10. Migdal J. State in Society. Cambridge: Cambridge Univ Press, 2001. P. 190.